

2. Красильников Р.Л. О литературоведческой танатологии / Р.Л.Красильников // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2010. – № 2 (76). – С. 137–144.

3. Семантическое и формальное наполнение танатологических мотивов в романах Шишкина // <http://molum.ru/semanticheskoe-i-formalnoe-napolnenie-tanatologicheskikh-motivov-v-romanaх-shishkina.html>. Доступ свободный. Проверено 7.11.2018 г.

4. Державин Г. Стихотворения / Г. Державин. – Петрозаводск: Карелия, 1984. – 199 с.

БЫТИЕ И ИНОБЫТИЕ В КАРТИНЕ МИРА Г.Р. ДЕРЖАВИНА

О.В. Дедюхина, О.В. Сизых

(Республика Якутия, Якутск,

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова)

Ключевые слова: картина мира, бытие, инобытие, Державин, водопад, символ, Вселенная

В статье рассмотрены основные категории авторской картины мира, в основе которой лежит принцип оппозиции. Историко-мифологический контекст стихотворения Г.Р. Державина «Водопад» позволяет выделить бытие и инобытие как различные формы существования жизни. Философский и мифопоэтический коды интерпретируют архетипические образы алмазной горы, скалы, сверкающего луча, млечной реки, звезды, луны, магистральным из которых становится образ водопада. Постулируется образно-понятийная авторская модель Вселенной и место в ней человека-героя.

* * *

За последнее десятилетие внимание к мировоззрению и творчеству Г.Р. Державина возросло. Появились монографические исследования В.А. Черкасова [Черкасов, 2009], Н.С. Цинцадзе [Цинцадзе, 2014], Д.В. Ларковича [Ларкович, 2011] др., статьи А. Варда [Варда, 2015], А.М. Саяповой [Саяпова, 2015],

С.А. Саловой [Салова, 2015] и др., в центре внимания которых оказались разные аспекты исторического контекста произведений, творческой индивидуальности и художественного мира поэта.

Прочтение символического пласта оды Г.Р. Державина актуализирует культурный, мифологический, философский и исторический контекст, ведущий к более глубокой и целостной интерпретации текста, благодаря которой возникает целостная картина мира из смыслообразов. Как справедливо заметил Ю.М. Лотман, «ряд символических образов пронизывает по вертикали всю историю человечества или большие ее ареальные пласты. Индивидуальность художника проявляется не только в создании новых окказиональных символов, но и в актуализации порой весьма архаических образов символического характера» [Лотман 2001: 225].

Картина мира, созданная Г.Р. Державиным, не может быть осмыслена без включения эпохальных событий, художественно трансформированных. В поле зрения поэта оказываются философские вопросы о смысле человеческого бытия, мимолетности жизни и счастья, ценности свободы личной и общественной, тщетности славы.

Описание легендарного водопада Кивач, находящегося в Карелии, который посетил Г.Р. Державин будучи олонецким губернатором, открывает оду, написанную на смерть Светлейшего князя Григория Александровича Потемкина. Миф о возникновении водопада, образы, которые создает поэт, соотносятся с личностью знаменитого полководца. Название водопада в переводе с финского «*kiivas*» означает «мощный, стремительный», указывая на масштаб Потемкина – исторического деятеля, сыгравшего значительную роль в судьбе России: устройство Новороссии, покорение Крыма, учреждение черноморского флота.

Образы алмазная гора, скала, сверкающего луча, млечной реки, используемые для описания водопада, подчеркивают черты характера князя Таврического, его героическую дерзость и выдающуюся храбрость. Алмаз является символом света и блеска, а само слово «адамантин» связан с греческим «*adamas*», означающим «непобедимый» [Керлот 1994: 73]. Кроме того, Екатерина

II жаловала награды, украшенные алмазами: жезл – «За разумное полководчество», шпагу – «За храброе предприятие», лавровый венок – «За победу».

Гора и скала традиционно означают божественный центр мира, считаясь жилищем богов. Луч света рассматривается с точки зрения его устойчивой семантики как олицетворение духовности, творческой силы и космической энергии. Финская мифология связывает Млечный путь с птичьим полетом, а птица, согласно трехчастному делению мира на низший, средний и высший, принадлежит к миру божественному, идеальному.

Однако центральным образом оды является образ водопада, а символика водной стихии сложна и многогранна, с одной стороны, олицетворяет хаос, из которого появляется жизнь, а с другой – возвращение в первозданные воды символизирует смерть. «В архетипических конструкциях, – пишет Е.М. Мелетинский, – хаос предельно сближен со смертью...» [Литературные архетипы... 2001: 152]. В контексте строк «Не жизнь ли человеков нам сей водопад изображает?.. Не так ли с неба время льется» динамика воды связана с течением времени. В стихотворении возникает оппозиция краткости человеческого бытия и вечности природы, выраженной через образ ниспадающего водопада, что поддерживается антиномичной символикой воды как смерти и уничтожения и в то же время возрождения, восстановления и жизненной силы.

Лес, будучи не доминирующим образом дополняет картину мира, отсылая к мифологическим представлениям о лесе как пространстве чужом в противовес окультуренному пространству дома, олицетворяя хаос и космос соответственно. Лес изображается штрихами: «густой бор», «глушь», «зыбкий свод древ», «дебри темные», воплощая тяготы жизненного пути, что усугубляется образом ветра. Г.Р. Державин упоминает обитателей леса, сталкивая их со стихией водопада:

Волк рыщет вокруг тебя и, страх

В ничто вменяя, становится;

Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нем щетиной зрится...

[Державин 1978: 68]

Волк – хтоническое существо, воплощение злого начала – робеет перед водопадом, подчиняясь его воле («воет, согласясь с тобой»).

Лань идет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падающих рев,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж дерев...

[Державин 1978: 68]

Образ трепетной, грациозной, прекрасной лани в греческой мифологии сопряжен с богиней охоты Артемидой и противопоставлен агрессивному, коварному, жестокому волку. Образы волка, относящегося к демоническому миру, и лани, принадлежащей к божественному, объединены страхом перед стремительным движением водопада. В этом плане им противостоит «ретивый конь» с «осанкой гордой», который «...подстрекаем быв, бодрится, / Отважно в хлябь твою стремится» [Державин 1978: 68].

Образ «ретивого коня», бесстрашно идущего в пучину вод, противопоставляется представителям дикого природного мира волку и лани. Символика коня амбивалентна. Согласно традиционным представлениям, конь является частью погребального обряда, в то же время, воплощая космические силы первобытного хаоса. Кроме того, конь посвящался Марсу и непосредственным образом связан с военной атрибутикой. Структурно-смысловые уровни образа героического коня сопрягают в единое целое сферы инобытия и бытия, выступая образом-проводником из вселенского пространства к посюстороннему земному миру с его эгоистическими устремлениями, трагическими конфликтами, бессмысленной борьбой за власть и с властью.

В центре реального мира стихотворения – образ мудреца, «седого мужа», графа П.А. Румянцева, русского полководца, военного теоретика, продолжавшего идеи Петра I на военное дело, одержавшего свою главную победу в Русско-турецкой войне (1768–1774). Бытие человека в стихотворении определяется философскими категориями: счастье («Мелькает счастье наших дней» [Державин 1978: 69]), смерть («Не слышим ли в бою часов / Глас смерти, двери скрип подземной?») [Державин 1978: 69]), рок («Судьба побед меня лишила» [Державин 1978: 70]), слава Отечества и («... как румяной луч зари, / Страну его покрыла слава» [Державин 1978: 71]), смысл жизни («Когда всяк жизнь его, дела / По пользам только помнить будет; / Когда не блеск его прельщал / И славы ложной не искал» [Державин 1978: 72]).

Создавая особый тип художественной реальности, Г.Р. Державин использует прием сна, и оказывается довольно сложно определить границы реальных исторических событий и «мечты» Румянцева:

Что, положя чертеж и меры,
Как волхв невидимый, в шатре,
Тем кажет он в долу химеры,
Тем в тиграх агнцев на горе,
И вдруг решительным умом
На тысячи бросает гром...

[Державин 1978: 71]

Бледная луна олицетворяет космические силы природы, преклоняющиеся перед подвигом человека, его безмерной силой и исключительным мужеством.

От иллюзорных картин взор поэта обращается к реальным победам великого Потемкина – присоединению Крыма к России: «Смирил Колхиду златорунну», актуализировав древнегреческую мифологию для акцентуации масштабности события, его эпохальной знаковости. Описание триумфа России органично переходит в изображение пространства Вселенной:

Рев ветров, скрип дерев дебелых,
Стенанье филинов и сов,
И вещей глас вдали животных,
И тихий шорох вокруг бесплотных...

[Державин 1978: 72]

Апокалиптическая картина крушения мира подготавливает известие о кончине легендарного вождя:

...сокрушилась ель,
Станица вранов встрепетала,
Кремнистый холм дал страшну щель,
Гора с богатствами упала;
Грохочет эхо по горам...

[Державин 1978: 72]

Идея инобытия, являясь магистральной, поддерживается образом водопада, теперь олицетворяющего мирскую славу («ложную»), которая противопоставлена истинной славе, зиждущейся на исполнении долга («О! будь бессмертен, витязь бранный, / Когда ты весь соблюл свой долг» [Державин 1978: 73]).

Образ звезды – один из основополагающих в фольклорной традиции и связан с мотивом божественного рождения, соотносится с конкретными периодами жизни человека. В качестве символа божественной принадлежности звезда встречается в описаниях святых, богатырей, царских особ в духовных стихах, былинах и сказках. Небесное светило способствует сакрализации исторического образа, акцентируя величие Потемкина, утверждая его силу духа, борющуюся против сил тьмы.

Экзистенциальный контраст героя, осиянного славой, «великолепного князя Тавриды» и обычного смертного человека в простом рубище подчеркивается

амбивалентной метафорой «чей одр – земля, кров – воздух синь» [Державин 1978: 74].

Предваряя философские воззрения XIX века на особенности мироздания, Г.Р. Державин заявляет об иллюзорности не только человеческой жизни, но и всего мира: «Вся наша жизнь не что иное, / Как лишь мечтание пустое» [Державин 1978: 76]. В финале оды водопад олицетворяет славные дела людские, которые останутся в памяти народа на века.

Оппозиция бытие / инобытие характерна для всей оды, однако наблюдается чередование, перетекание одной сферы в другую, и это способствует созданию философского подтекста. Трактовка мира иного осуществляется посредством ряда символов – алмазная гора, скала, сверкающий луч, млечная река, звезда, луна, – ведущим из которых является образ водопада, ассоциирующийся с течением жизни, времени, славы, благих деяний человека и, наконец, фигурой Потемкина. Мотив сна позволяет выразить мысль о призрачности человеческого бытия и бессмертия души человека.

Литература

1. Варда А. Гавриил Державин и «Фелицейский цикл» / А.Варда // Филология и культура. – 2015. – № 1(39). – С. 125–127.
2. Державин Г.Р. Водопад / Г.Р. Державин // Русская поэзия XVIII века. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1978. – С. 67–73.
3. Керлот Х.Э. Словарь символов / Х.Э.Керлот. – М.: REFFL-book, 1994. – 601 с.
4. Ларкович Д.В. Г.Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания / Д.В. Ларкович. – Екатеринбург: УФУ, 2011. – 341 с.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 2001. – 704 с.
6. Литературные архетипы и универсалии / под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 2001. – 432 с.
7. Салова С.А. Анакреонтическая самоирония Г.Р. Державина: контекстуальный аспект / С.А. Салова // Пушкинские чтения. – М., 2015. – С. 44–53.

8. Саяпова А.М. Водопад Г.Р. Державина: смысловые конструкты оды / А.М. Саяпова // Филология и культура. –2015. – № (1). – С. 227–229.

9. Черкасов В.А. Державин и его современники глазами Ходасевича / В.А. Черкасова. – Белгород: БелГУ, 2009. – 355 с.

10. Цинцадзе Н.С. Г.Р. Державин на службе у трех императоров: в 3-х ч. / Н.С. Цинцадзе. – Тамбов: ТГУ, 2014.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ ИМЕНИ ДЕРЖАВИНА В ЕГО СТИХАХ И КОММЕНТАРИЯХ

В.В. Мароши

*(Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»)*

*Ключевые слова: поэтика Державина, поэтическая этимология,
Державинский миф, житнетворческий синтез*

Согласно Э.Р. Курциусу, поэтическая этимологизация имени адресата в риторическую эпоху европейской литературы восходит к 28 способу аргументации из «Риторики» Аристотеля (топос, называвшийся у греков *ἀπό τοῦ ὀνόματος*, «notatio» у римлян) [Curtius 1953:495]. Поэтическая этимологизация имени героя и даже авторов в харизматическом смысле соименности со своим святым покровителем была весьма распространена еще в древнерусской литературе. Она восходила к античному риторическому приему сопоставления (*συγκρίσις*), в котором герой, понятие, предмет характеризуются через сравнение с другим. Сюжетная типология или характерология, сложившиеся вокруг церковного имени в панегирических текстах или Писании, в той или иной степени должны были обуславливать поведение изображаемого героя.

В русской силлабической поэзии и публицистике XVII в. и начала XVIII в., как показано в исследованиях Г. Кайперта [Keipert 1986] и Л.И. Сазоновой [Сазонова 2006], активно использовался риторический прием этимологи-